

Превозмогая слабость, третий принц Юньчжан все же заставил себя подняться несколько дней назад, дабы приструнить распоясавшуюся челядь. В разбитом болезнью теле едва теплилась жизнь, верных людей под рукой не было, а потому действовать пришлось сурово — лишь бы внушить страх. Приказав насмерть запороть палками во дворе нескольких самых дерзких слуг, он заставил остальных наконец-то вспомнить о приличиях. Мысленно перебрав всех обитателей усадьбы, Юньчжан отправил надежного человека в поместье шестого принца, чтобы позвать единоутробного брата. Временной опорой ему послужили слуги, когда-то приставленные покойной благородной супругой Чунь. Едва дождавшись, пока гонец покинет ворота, Юньчжан лишился последних сил и позволил увести себя под руки обратно в опочивальню.

Увы, нынешний шестой принц Юньжун давно перестал быть прежним. Иньсы, возродившийся в его теле, понятия не имел, что представлял собой этот старший брат, и не знал, как с ним общаться. Он предпочел просто избегать встреч. Первоначально Иньсы планировал потянуть время день-другой, чтобы отыскать в чужой памяти хоть какие-то подсказки, но внезапный вызов к императору Канси спутал все карты. Новые государственные дела навалились лавиной, затянув его в водоворот бесконечных забот. Не имея возможности лично помочь брату, Иньсы лишь ежедневно отправлял к нему людей с припасами через второго управителя своего поместья, которого заранее приставил к больному, да постепенно переводил в его дом новых слуг, тщательно отобранных из Палаты дворцового хозяйства.

Вот только никто не подумал о том, что далеко не всякий раб трепещет перед господином. Отчаявшиеся люди способны на все. Если подозрение в покушении на жизнь хозяина подтвердится, виновных ждет не просто плаха, а истребление всего рода под корень. Но что, если не останется ни улики, ни свидетелей?..

Иньжэн сидел в главном зале, потемнев в лице от ярости. Убожество этого заброшенного дома рождало страшные подозрения: неужели Хунси, Хунши и Баоцин в свои последние дни исходили такой же тихой, бесприютной смертью?.. Палата дворцового хозяйства, привыкшая по-своему толковать монарший гнев, совсем распустила своих псов. Вконец обнаглели, холопы!

«Погодите у меня. Как только выкрою время, я из вас всю душу вытрясу!»

Хунши сидел неподвижно, опустив веки и погрузившись в глубокое раздумье.

Линь Яо и Ли Сян осторожно вошли в зал и тихо позвали:

— Господин.

Иньжэн посмотрел на них. Его голос прозвучал тихо и леденяще:

— Говорите.

Линь Яо служил Иньжэну уже восемь лет и прекрасно знал: чем короче цедит слова его

господин, тем страшнее его гнев. С величайшей осторожностью он доложил:

— Ваше Высочество, мы вместе со стражей обыскали кухню, кладовые и каморки слуг. Все улики собраны, а подозреваемые взяты под стражу.

Хунши безучастно кивнул и встал.

— Передайте весть Фуча Фухэну, — холодно обронил он. — В конце концов, Палата дворцового хозяйства находится и под его надзором тоже.

Иньжэн взял Хунши за руку и повернулся к Линь Яо:

— Пусть наши люди стерегут арестованных. Отправьте гонца во дворец, доложите обо всем матушке-императрице Нале и пришлите сюда лекаря из Императорской медицинской палаты. А мы пока пойдем поглядим на него.

Последние слова предназначались Хунши.

Хунши горько усмехнулся. В прошлой жизни отец тоже отвернулся от него, но судьба тогда пощадила его — спасли старые связи с восьмым и девятым дядями, да и названный брат Хунси тайно помогал деньгами. Глядя на царящее вокруг запустение, он невольно вспомнил, как Хунси посадили под домашний арест. В те страшные дни кузены вынуждены были держаться от него подальше, дабы не навлечь на себя подозрения. Каковы же были последние дни Хунси?..

Хунши судорожно сжал кулаки.

Задний двор встретил их унынием и разрухой, заставив обоих содрогнуться от негодования. Если в парадных залах еще теплилась видимость порядка, то здесь, в жилых покоях, царило такое убожество, в котором и животное держать грешно. Вдруг из глубины дома долетел фальшивый женский плач. Ярость захлестнула обоих: человек ведь еще жив, а эти твари уже голоса, словно по покойнику!

Разогнав лицемерных плакальщиц, Иньжэн и Хунши подошли к постели и всмотрелись в изможденное лицо лежащего без чувств юноши. Едва услышав о недавнем бунте в усадьбе третьего принца, они заподозрили, что в его теле мог очнуться кто-то из ушедших братьев — слишком уж разительно изменился нрав Юньчжана. Но теперь, воочию созерцая это убожество, они засомневались. Быть может, несчастный просто не выдержал травли? Ведь у любого, даже самого робкого человека есть черта, за которой терпение сменяется яростью.

Хунши коснулся исхудавшего запястья третьего принца Юньчжана и облегченно вздохнул. Слава небу, пульс прощупывался отчетливо. При должном уходе он выкарабкается.

Хунши поднял голову и тихо произнес:

— Жить будет. Если окружить заботой, поправится.

Иньжэн негромко рассмеялся и приобнял Хунши за плечи, мягко прошептал:

— Ну вот и славно, Хунши. Мы уже послали за лекарем. Те, во дворце, теперь тоже в курсе дела и пришлют охрану. Не дадут ему умереть.

Вспомнив, как сам Хунши в прошлой жизни медленно угасал от тоски, Иньжэн невольно смягчил голос, наполнив его теплотой.

Хунши доверчиво прислонился к его груди, кивнул, бережно подоткнул одеяло больному кузену и вместе с Иньжэном направился к выходу.

Когда за ними тихо затворилась дверь, на щеке лежащего без сознания юноши блеснула одинокая слеза.

Увидев в парадном зале Гао Уюна, Иньжэн и Хунши переглянулись. Жестом остановив готового согнуться в поклоне управителя, они вкратце описали ему бесчинства слуг и поспешно покинули усадьбу. Больше их вмешательство не требовалось. Раз уж за дело взялся тот ревнивый до порядка упрямец, Палату дворцового хозяйства ждал жестокий разгром. Теперь оставалось лишь убереечь от летящих щепок императрицу Налу и принцессу Ланьсинь.

«Двенадцатый и тринадцатый принцы покинули дворец и встретились с третьим и четвертым молодыми господами из рода Фуча в ресторане Драконьего Источника. Спустя два стражных часа юноши Фуча вернулись домой, а принцы отправились в усадьбу своего третьего брата. Наведя там порядок и наказав нескольких слуг, Их Высочества возвратились в Запретный город».

Канси задумчиво разглядывал донесение. Семья Фуча и стоящий за императрицей клан Уланара... Если связать их воедино... Фухэн умен, он быстро сообразит, куда дует ветер.

Взяв кисть, Канси неторопливо вывел на бумаге два имени. Отложив ее, он слегка провел ногтем по свежей туши и едва заметно улыбнулся. Эти мальчишки оказались на удивление хваткими. Впрочем, под его присмотром они все равно не посмеют зайти слишком далеко.

Подозвав слугу, император небрежно отдал устное повеление.

В усадьбе шестого принца Иньсы долго сидел над исписанным листком бумаги. Наконец, решившись, он поднес его к свече. Наблюдая, как пепел осыпается в медную чашу, он поднялся, заложил руки за спину и подошел к окну. В темнеющем небе бледнел серп луны.

«Девятый, десятый... Столько времени прошло. Неужели вы тоже здесь, в этом мире? Если нет, то дай бог вам обрести покой в новом перерождении. Но если вы тоже очнулись в чужих телах, то почему не даете о себе знать? Или до сих пор вините меня за то, что я не сумел отомстить за наши погубленные жизни?»

Он горько и самокритично усмехнулся. Отец по-прежнему оставался императором, крепко держащим в руках Службу прилипающих шестов. У старого соперника Иньчжэня тоже имелись свои ищейки — «Кровавые капли». А жалкие остатки тайной сети «Великий лебедь», которыми располагал сам Иньсы, наверняка давно были у них под колпаком. Сила ломит солому. В прошлой жизни он терпел до самого конца, стерпит и в этой. Вот только одиночество давило на плечи все сильнее, выжигая душу дотла.

«Иньтан, Инь-э... Если вы здесь, мне не нужно от вас былой верности. Пусть мы не станем вновь названными братьями, просто дайте мне взглянуть на вас хотя бы издалека».

Вспоминая свои встречи со старыми врагами за последние дни, Иньсы не мог сдерживать презрения. Это ежедневное разыгрывание семейной идиллии... Кто они друг другу теперь? Любящие отцы и послушные сыновья? Любезные братья? От этой фальши тошнило. Зал Вращения Сердца превратился в балаган, где каждый усердно играл свою роль, делая вид, будто кошмара прошлых лет никогда не существовало. Неужели они думали, что замалчивание склеит разбитое? Подумаешь, вернули имя в родословные книги императорского дома! Неужели он должен пасть ниц и благодарить за эту подачку? Отец оставался верен себе — его любимчики всегда получали лучшее.

Иньсы застыл у окна, глядя в ночную высь.

«Похоже, я никогда не был для него сыном. Хотя нет, глупости. Был. Просто сыном, которого можно в любой момент выбросить за ненужностью».

Победитель забирает все, проигравший платит по счетам. Былые унижения не оставили в его сердце жгучей ненависти — лишь понимание, что все в мире подчинено закону воздаяния. Теперь, когда его имя восстановили в списках императорского рода, Хунвану и остальным его потомкам будет легче жить.

«Как бы то ни было, отец, я благодарен вам. В этой жизни ваш непокорный слуга примерит маску беззаботного князя. Мы останемся лишь подданным и его государем. Так, по крайней мере, сердце не будет исходить кровью».

Цоканье туфельек на высокой платформе прервало его мысли. Из-за двери донесся мягкий женский голос:

— Муж мой, я приготовила для вас отвар. Не желаете ли отведать?

Иньсы очнулся от дум, сам отворил дверь и бережно поддержал вошедшую супругу.

— Зачем ты утруждаешь себя, дорогая? — с мягкой улыбкой спросил он.

Госпожа Фуча лишь скромно опустила глаза и кротко улыбнулась:

— Последние дни вы совсем не щадите себя на службе. Единственное, чем я могу помочь — это позаботиться о вашем здоровье.

Иньсы мысленно похвалил воспитание дома Фуча — истинное благородство, не знающее суеты. Он с улыбкой принял пиалу и выпил половину целебного отвара. Разгадав истинную причину ее визита, он тихо шепнул ей на ухо:

— Юйсю, мне нужно закончить с бумагами, но эту ночь я проведу в твоих покоях.

Проводив взглядом застенчиво удалившуюся супругу, Иньсы негромко вздохнул. Его нынешнее положение было незавидным: угасающий от недуга старший брат Юньчжан, обделенная вниманием сестра, смертельно больная матушка — благородная супруга Чунь... До него доходили слухи, будто матушка желает выдать четвертую принцессу Хэцзя за Фулуньяня. Похоже, такова была воля прежнего хозяина этого тела, Юньчжана, стремившегося укрепить позиции клана Фуча. Вот только что теперь думает тот, кто восседает на драконьем троне? Без союзников при дворе не выжить, но стоит обзавестись слишком влиятельными друзьями, как тут же проснешься под прицелом подозрений. Былое недоверие никуда не делось. Тяжело, но отступать некуда.

Иньсы принялся перебирать в уме тех, на кого мог опереться. Родственников покойной Благородной супруги Чунь тревожить нельзя — судя по всему, император вознамерился разгромить Палату дворцового хозяйства, так что от материнского клана толку не будет. Сановники в министерствах затаились, боясь даже близко подходить к вопросам престолонаследия. Единственный брат, которому он мог бы довериться — младший Четырнадцатый, но тот до сих пор питал слепую привязанность к своему родному брату Иньчжэню.

Размышляя об этом, Иньсы вдруг ощутил ледяной холод полного одиночества. До чего же горько! В этот миг ему вдруг вспомнились слова, когда-то сказанные бывшим наследным принцем Иньжэном:

«У тебя есть два преданных брата, готовых пойти за тобой и в огонь, и в воду... Чего еще тебе не хватает, Иньсы? Нужно уметь ценить то, что имеешь».

Накануне своего второго низложения свергнутый наследник вел себя странно и отстраненно.

Он лично пришел в ресторан Драконьего Источника, бесцеремонно распахнул дверь в комнату, которую всегда занимал Иньтан, и, проигнорировав яростные взгляды девятого и десятого братьев, даже не присел. Он лишь бросил им эти слова и повернулся, чтобы уйти, бросив напоследок у самого порога:

«Раз уж я сумел вас здесь отыскать, к чему вся эта мышиная возня?»

Да, к чему все это было?.. Если государь отвернулся от тебя, любые усилия тщетны. О, если бы он тогда проявил благоразумие и вовремя все подготовил, возможно, Иньтан и Инь-э сейчас были бы живы...

Одетый в простое зеленое одеяние молодой мужчина застыл у окна. На его лице отразилась неизбывная скорбь. Он медленно согнулся, прижав ладонь к груди, где глухо ныло израненное сердце. Пусть братья ни в чем его не винили, сам он исходил горьким раскаянием. Он был слишком честолюбив. И плата за этот грех оказалась непомерной — нынешнее его существование было куда мучительнее прежнего.

«Если на небесах есть боги, я, Иньсы, готов отдать все, что имею в этой жизни, лишь бы Иньтан и Инь-э обрели покой и счастье. Пусть мне никогда не суждено заговорить с ними... Позвольте мне лишь раз взглянуть на них издали».

<http://bllate.org/book/18338/1866235>